

ТРИ ТРАДИЦИИ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ – ТРИ ТИПА ПОНИМАНИЯ

В.В. ЗНАКОВ

Рассмотрены три традиции исследования психики — когнитивная, герменевтическая и экзистенциальная. Описаны контексты, в которых реализуются современные психологические исследования, проводимые последователями этих научных традиций. Выявлены три типа понимания проблем, методов и результатов, соответствующие названным подходам к научному анализу психики, — понимание-знание, понимание-интерпретация, понимание-постижение. Обосновано, что им соответствуют оценки истинности, правильности и правдивости высказываний, понимаемых людьми в коммуникативных ситуациях.

Ключевые слова: понимание, знание, интерпретация, постижение, когнитивный подход, герменевтический подход, экзистенциальный подход.

Вопросы психологии 2009 № 4

Одна из современных тенденций развития методологии науки заключается в стремлении ученых «вернуться на новом витке психологических знаний к проблемам понимания, а также психологического объяснения как опосредствованного теорией понимания...» [12; 121]. Проявление этой тенденции нетрудно обнаружить в недавних публикациях исследователей, работающих в очень разных областях психологии [7], [11], [16]. Пристальное внимание ученых к феномену понимания обусловлено, в частности, тем, что в переходе от непонимания к пониманию изучаемых явлений заключается основная цель научного познания. Любое исследование начинается с непонимания, а заканчивается, если поставленная цель достигнута, пониманием. Если психолог захотел, например, выявить взаимосвязь между склонностью к личностной рефлексии и успешностью профессиональной деятельности, то вначале связь осознается им как проблемная ситуация, основанная на непонимании. Затем, после доопределения целей и условий, проблемная ситуация превращается в задачу, успешное решение которой приводит к пониманию исходной проблемы. Такая последовательность перехода от непони-

мания к пониманию характеризует любое научное исследование.

Признание современными учеными значимой роли понимания связано не только с тем, что оно оказывается необходимым условием научного познания. Осознание психологической уникальности и общенаучной универсальности понимания основано еще и на том, что оно — не просто один из феноменов человеческой психики, сопоставимый, например, с объяснением или предсказанием. С тех пор как фокус интересов многих психологов сместился из когнитивной плоскости анализа психики в экзистенциальную, понимание стало изучаться не только как процедура индивидуального познания, а гораздо шире — как способ бытия человека в мире. Соответственно понимание оказалось центральной проблемой психологии человеческого бытия [9].

Сегодня назрела острая необходимость в осознании и объяснении того, почему многие психологи, говоря о понимании, по существу, имеют в виду не одинаковые, различные по психологическим механизмам феномены. Например, Е.А. Сергиенко употребляет понятие «понимание» с когнитивных позиций (применительно к пониманию детьми обмана, эмоций, моделей психического других людей). Понимание ребенком окружающего мира основано на ментальных моделях физического

и социального мира. Фактически в исследованиях Е.А. Сергиенко и ее учеников понимание рассматривается прежде всего как *метод* познания субъектом мира, дополняющий антиципацию, объяснение и другие интеллектуальные операции и действия [19].

В понимающей психотерапии обсуждаемый феномен тоже рассматривается как метод, но метод, направленный на изучение иной психологической реальности, чем в когнитивной психологии. Специфическая активность психотерапевта в рамках понимающей психотерапии называется сопереживанием, а «общим **методом** работы сопереживания является **понимание**» [6; 9]. По мнению Ф.Е. Василюка, «понимание в психотерапии должно мыслиться не как ментальная операция, но как личностно-экзистенциальный акт, зовущий, приглашающий, встречающий, “подстрекающий” к свободе и подтверждающий бытие другого человека, пациента. Понимание не есть внешнее отображение бытия личности другого, бытия, способного существовать без этого и без всякого понимания, понимание не “роскошь человеческого общения”, оно — конститутивный элемент самой экзистенции» [6; 29—30].

Главную причину расхождений в трактовках понимания я вижу в различии, неодинаковости ситуаций человеческого бытия, оказывающихся объектами исследований психологов. Неудивительно, что понимание возникает на разных психологических основаниях. В одних ситуациях оно основано главным образом на знании, в других — на интерпретации, связанной с психологической реконструкцией духовного мира людей; наконец, есть ситуации, которые психологу невозможно понять без вдумчивого анализа глубин бессознательного и экзистенциального опыта испытуемых.

Тип понимания психологом изучаемых проблем определяется тем, какие рассуждения он считает рациональными и, следовательно, научными при прове-

дении исследования. В основе разных традиций проведения психологических исследований лежат неодинаковые рациональные рассуждения. Представления о рациональности отличаются друг от друга, во-первых, *целями* исследования, связанными с интересубъективными представлениями психологов о том, какое познание следует признавать научным. Когнитивные психологи обычно ссылаются на положение дел в объективном мире и претендуют на *истинность* получаемого в эксперименте знания. Для представителей герменевтического подхода, ориентирующихся прежде всего на ценности и нормы, разделяемые различными социальными группами, научными являются *правильные* (с точки зрения входящих в эти группы людей) суждения. Экзистенциальная традиция психологических исследований характеризуется ориентацией не столько на достоверные знания, сколько на субъективные убеждения и плохо осознаваемые ощущения и чувства, например, уверенность в своей правоте. В этом случае исследования направлены на выявление *правдивых* суждений субъекта о себе и окружающих людях. Во-вторых, представления о рациональности различаются планируемыми *результатами* исследования, точнее, типами их понимания. Когнитивные исследования завершаются *пониманием-знанием* психологом результатов, герменевтическим соответствует *понимание-интерпретация*, а экзистенциальные заканчиваются *пониманием-постижением* того, что было предметом анализа.

Цель статьи — проанализировать три главных типа понимания, соответствующие разным научным традициям исследований в психологии.

Кратко опишу три названные традиции исследования психики и типы понимания целей, методов и результатов психологического анализа.

Когнитивная традиция. Когнитивный план изучения психической реальности характеризуется акцентом на познании

и поведении человека, стремлением ученых выявить общие закономерности психического развития, интересом скорее к фактам и правилам, чем к исключениям. Когнитивные исследования имеют в основном отражательно-познавательную направленность, они ориентированы на получение истинных знаний о том, как субъект отражает и познает окружающую действительность и свой внутренний мир.

В соответствии с корреспондентной теорией истины истинным называется суждение о том, что действительно существует и что можно проверить опытным путем. Практически это означает приоритет утверждений, относящихся к фактам: если ученый ищет то, что существует, он открывает знания для себя так же, как геолог отыскивает новый минерал в горной породе. Такая научная позиция хорошо известна из экспериментов Ж. Пиаже по обнаружению ранее сокрытого, в которых ребенок находил или, наоборот, не обнаруживал конфету в закрытой коробочке. В.М. Аллахвердов, неоднократно подчеркивавший свою приверженность когнитивной традиции, пишет: «Психология манифестирует естественнонаучный подход к решению психологических проблем. Это означает признание того, что реальность подлежит логически непротиворечивому описанию и что само это описание должно обязательно проверяться опытным путем. Опора на опыт вселяет уверенность, что научное знание, всегда содержащее субъективную составляющую, содержит и составляющую объективную» [1; 31].

Отражательно-познавательная направленность когнитивных исследований основана на твердом убеждении когнитивных психологов (в отличие от представителей конструктивистского [15] или нарративного подходов [21]) в существовании такой единой для всех людей внешней реальности, которая является объектом отражения. Изучая реальность, ученые получают знания о ней, которые с полным правом можно характеризовать

как истинные или ложные. В частности, при исследовании интеллекта ответы испытуемых на вопросы методики Д. Векслера: «Кто написал “Илиаду?”» и «Назовите столицу Италии» — могут быть только истинными или ложными.

Вместе с тем психологам следует ясно осознавать, что не во всех ситуациях человеческого бытия, которые оказываются предметами психологических исследований, люди делают истинные или ложные утверждения. Несомненно, что в общении случаются высказывания, которые можно характеризовать *только* в категориях истинности/ложности. Например: «Невский проспект находится в Москве». Или, если мне кто-нибудь скажет, что у меня по плечу ползет скорпион, то я поверну голову и смогу убедиться в обратном. Истинность или ложность высказываний в таких ситуациях проверяется эмпирически, путем их сопоставления с объективной действительностью. Применительно к подобным ситуациям (и только к таким) можно говорить об универсальности и общезначимости истины: два плюс два равно четырем и в Азии, и в Африке, и на Северном, и на Южном полюсе. Соответственно понимание истинности суждений не зависит от индивидуально-психологических характеристик понимающего субъекта.

Психологический анализ описанных и подобных им ситуаций когнитивными методами является не только вполне оправданным, но и наиболее эффективным. Когнитивные исследования, если судить по используемым *методам*, а не опираясь только на субъективные мнения ориентированных на эту традицию психологов, фактически не затрагивают ценностно-смысловую сферу жизни человека. И целью, и результатом когнитивного исследования является получение объективного достоверного научного знания о психологии людей.

Анализ знаний, необходимых для понимания, — распространенный методический прием в современных когнитивных науках. Вследствие этого неудивительно,

что понимание-знание является не только психологическим, но и лингвистическим феноменом, представленным в семантике русского языка. Например, Б.Л. Иомдин, разрабатывая языковую модель понимания, различает понимание-мнение и понимание-знание [10].

Когнитивная традиция психологического познания основана на применении таких методов, которые выявляют знания о закономерных, как правило, повторяющихся событиях и явлениях. Закономерности в когнитивной психологии нередко отражаются в моделях. При этом считается, что понимать факт, событие или явление — значит иметь его рабочую модель. В частности, П.Н. Джонсон-Лэйрд соотносит понимание с созданием мысленных моделей и полагает, что понять фрагменты каких-либо событий или ситуаций можно, только сформировав мысленное представление, являющееся моделью целого [24]. Еще раньше подобную точку зрения высказывал А.А. Брудный. Он рассматривал понимание как взаимодействие понимающего субъекта «с некоторым объектом, в результате которого воссоздается работающая модель этого объекта. Понять — значит собрать работающую модель» [5; 115].

Наличие предварительных знаний о понимаемом играет существенную роль во многих ситуациях человеческого бытия. Далеко не всегда нам хватает знаний, необходимых для полного понимания тех проблем, ситуаций, в которых мы оказываемся. Например, гуманитарий, случайно попавший на научный доклад по теоретической физике и задумавшийся над тем, о чем идет речь, в лучшем случае поймет только то, что обсуждаются проблемы физики твердого тела или квантовой электродинамики. В большинстве случаев ему будет этого достаточно. Однако в жизни бывают и другие ситуации. Для понимания смысла поступка человека или лозунга политической партии необходимо выявить цели, которые они стремятся достичь, и ценности, на кото-

рые ориентируются. Это такие ситуации человеческого бытия, к которым неприменимо понимание-знание.

Герменевтическая традиция. В человеческом мире люди постоянно попадают в ситуации, описания которых невозможно характеризовать как истинные или ложные. Например, мы говорим: «Эта женщина красивая» или «Этот человек добрый». Такие суждения являются мнениями, в которых присутствуют и объективные, и субъективные компоненты. Мнения можно характеризовать только как *правильные* или *неправильные*. В основе квалификации высказывания как правильного лежит согласованное мнение людей о должном, о правилах и нормах поведения. Например, в словаре русского языка С.И. Ожегова *правильный* — это не отступающий от правил, норм, такой, как должно [14; 467]. Представления о должном, лежащие в основе признания высказываний, текстов правильными или нет, формируются на основе соглашений, принимаемых большими и малыми социальными группами. Правильность всегда относится к чему-то или кому-то конкретному. Во-первых, существуют соглашения о том, какие свойства людей и предметов в конкретной ситуации следует считать допустимыми, а какие нет. Во-вторых, в межличностном общении правильными или неправильными могут быть высказывания с позиции либо говорящего, либо слушающего. Поясню два упомянутых случая примерами.

Человеческая речь выражает и отражает действительность, включая предметы и людей с присущими им свойствами. Это проявляется, в частности, в таком своеобразном объекте понимания, как сказка. А.В. Запорожец проводил интересные исследования понимания сказок дошкольниками [8]. Он обнаружил, что если типичные свойства предметов и характер производимых с ними действий нарушаются, то ребенок заявляет, что сказка неправильная, так не бывает. Например, дети не против того, чтобы чернильница

оказалась в роли сторожа, с их точки зрения, в сказке это разрешено. Однако они возражают, когда им говорят, что чернильница громко залаяла на разбойника. Когда чернильница сторожит дом, она должна не лаять, а фыркать и плевать чернилами. Таким образом, квалификация правильности суждений непосредственно связана с тем, отражают ли описания предметов и людей, составляющих обсуждаемую ситуацию, типичные, внутренне присущие им качества.

Чтение и понимание литературных произведений является общением читателя с автором, которое опосредствовано текстом. Допустим, что в одном из романов Конан Дойля мы прочитали предложение: «Жена Шерлока Холмса подарила ему теплый шарф». Оно не истинное, потому что никакого Холмса не было, он — плод воображения Конан Дойля. Однако оно и неправильное, потому что правильность предполагает следование правилам. Для писателя одно из таких непреложных правил заключается в том, чтобы не допускать логических противоречий в описании вымышленного мира. Читатель понимает текст, если он правдоподобен, внутренне непротиворечив. Названное предложение неправильно, потому что Холмс не был женат. Неправильно для кого? Для читателя, ожидавшего, что писатель стремится к правдоподобию и непротиворечивому изложению истории.

Однако неправильность понимания высказывания, текста, кинофильма и т.п. может быть обусловлена не только источником информации, но и реципиентом, искажающим в своем сознании факты, на знание которых рассчитывал автор. Типичный пример — знания современной молодежи в западных странах о Второй мировой войне. Известный писатель Д.А. Гранин в мае 2005 г. в интервью радиостанции «Свобода» рассказывал: «Я недавно был во Франции, в Париже. Меня там поразило, как учат вторую мировую войну французские школьники. Они, например, уверены в том, что войну выиграла Амери-

ка. Они мне дали посмотреть свой учебник по истории. Я смотрел этот учебник, там действительно большинство побед приписано американцам, там подробно рассказывается о высадке союзников, о боях в Африке. А наши победы во втором периоде войны — наспех, кое-как, несколько строчек». В Советском Союзе было создано очень много кинофильмов об этой войне. Я думаю, что если некоторые из них посмотрят французские школьники, то они не смогут правильно понять смысл таких фильмов. Неправильное понимание возникнет вследствие того, что они будут интерпретировать содержание фильмов на основе известных им знаний о том, что войну выиграла США, а Советский Союз играл в ней очень незначительную роль. О каком неправильном понимании следует говорить в этом случае? Оно неправильно с точки зрения авторов, сценаристов и режиссеров, ориентированных на зрителей, которые знают о действительном вкладе нашей страны в победу над фашизмом.

В общении неправильность по отношению к говорящему может быть обусловлена не только ментальным опытом партнера, но и его эмоциональным состоянием. Известно, что человек может не понять высказывание собеседника как шутку, если у него плохое настроение.

Следовательно, в общении можно говорить о неправильном понимании собеседний партнера, основанных на противоречащих соглашениям общающихся людей суждениях о свойствах людей и предметов. Кроме того, неправильность понимания может основываться на ментальном опыте или эмоциональном состоянии реципиента.

Основная функция понимания в познании и общении, например, при чтении текста, состоит в осмыслении, анализе знания, имеющего для субъекта проблемный характер, в раскрытии его происхождения и потенциальных возможностей. Проблемное знание отражает область тех не известных человеку закономерностей или способов действия, которые он не мо-

жет раскрыть, опираясь только на прошлый опыт и достигнутый уровень способностей действия. Анализируя непонятные события или ситуации, отраженные в проблемном знании, человек определяет, какие предположения и умозаключения можно сделать, какие ответы возможны на вопросы к проблемному знанию на разных стадиях решения задачи. Совершенные догадки, предположения, умозаключения, найденные ответы на вопросы и образуют различные конкретные операциональные смыслы знания для познающего субъекта. Следовательно, ключевой процедурой любого понимания является формулирование вопросов и получение ответов о проблемном знании. Это соотношение высказывали многие мыслители (Р.Дж. Коллингвуд, Г.-Г. Гадамер и другие), в психологии его продуктивно развивал Л.П. Добраев.

Главная методологическая проблема здесь заключается в том, кому мы должны задавать вопросы — автору или себе? Иначе говоря, понимание — это реконструкция замысла автора, его ценностно-смысловой позиции или такое смыслотворчество, которое имеет большее отношение к внутреннему миру читателя, чем к читаемому тексту?

В герменевтике понимание первоначально рассматривалось как способ выявления, экспликации того, что уже предзадано, заложено в тексте. Процедуры обнаружения смысла текста в процессе его интерпретации реконструировали изначальный замысел автора. Однако после публикации работ В. Дильтея, М. Вебера и А. Шютца произошла универсализация процедур понимания, которые стали рассматриваться как основа познания, особенно в области социальных наук. Распространенной стала точка зрения, согласно которой в процессе понимания происходит продуцирование новых знаний. Это следствие трактовки понимания как интерпретации: объясняя знания на одном уровне, понимающий субъект подготавливает почву для переинтерпретации

фактов на более высоком уровне. В результате интерпретация становится основой для объяснения понимаемого.

Интерпретация является центральной категорией герменевтики. Интерпретация — это такая работа мышления, которая состоит в расшифровке смыслов, скрытых в культуре. Расшифровать смысл — значит за буквальным значением слов увидеть все богатство возможных смыслов. Интерпретировать — значит идти от явного смысла к смыслу скрытому. Работа по интерпретации обнаруживает глубокий замысел. Он состоит в том, чтобы преодолеть культурную отдаленность, дистанцию, отделяющую читателя от чуждого ему текста. Читатель должен как бы поставить текст на один уровень с собой, включить смысл этого текста в свое понимание [18].

Следует подчеркнуть, что герменевтическая научная традиция не сводится к *познанию* истины, она скорее ориентирована на *ценностно-смысловую* интерпретацию действительности. Применительно к пониманию это означает, что при его анализе на передний план выступают не достоверные знания о понимаемом объекте, а ценностное отношение к нему. Последнее определяет субъективный характер интерпретации фактов, событий, явлений, т.е. ее зависимость от личностного знания, опыта, пристрастий и точек зрения.

В психологии типичными, выполненными в рамках герменевтической традиции, являются работы В.А. Лабунской, посвященные интерпретации невербальных признаков поведения [13]. Очень интересным является также проведенный А.А. Пузыревым анализ работы Л.С. Выготского о Гамлете [17]. Анализируя понимание этого текста, он выделяет два вида интерпретации.

Один вид направлен на выявление сокрытого в тексте, т.е. разгадывание загадки. В частности, детективный роман всегда содержит загадку, имеющую известную писателю разгадку. В этом случае чтение субъекта направлено на выявление

авторского замысла: того, что ранее было для него секретным, загадочным, но перестает быть таковым в результате интерпретации. Разгаданная загадка прекращает существование в качестве чего-то непонятного, загадочного, недоступного сознанию. Понимание упраздняет загадку, потому что интерпретация как бы замещает исходный текст, встает на его место [17; 308]. Ясно, что этот вид интерпретации по ее результату, т.е. новому понятию знанию, можно определить как *выявление авторского смысла*.

Второй вид интерпретации связан с феноменом «тайны», внутренне присущей трагедии о Гамлете. Тайна «утверждается при этом не только как исходная, отправная точка понимания трагедии, но также и как последняя, предельная его точка, и далее — как неустрашимый пониманием — бытийный — феномен» [17; 305]. Для читателя или зрителя задача понимания состоит не в том, чтобы разоблачать таинственное, неясный и туманный для субъекта контекст понимаемого. Здесь присутствует стремление понять «тайну» «не как то, что извне скрывает и заслоняет понимаемое, но, напротив, как то, что является внутренне самому понимаемому присущим...» [17; 311]. В этом случае «“интерпретация” — не замещает собой “интерпретируемое”, не заступает его место, не “упраздняет” его, делая его существование впредь уже избыточным, “излишним”; она — не “вместо него”, но “вместе с ним”; интерпретация есть только “продолжение”, “расширение”, “углубление” понимаемого, читаемого текста; но все же она есть всегда только его “часть”, его — исходного, читаемого, понимаемого текста — “орган”, позволяющий ему “сказаться” — полнее, точнее, членораздельнее» [17; 314—315]. Очевидно, что индивидуальная специфика понимания таинственности как неустрашимой составляющей бытия зависит от внутреннего мира реципиента и его активности, направленной на порождение собственно смысла понимаемого. При этом углуб-

ление, расширение, полнота интерпретации достигаются за счет объединения содержания текста с личностным знанием понимающего субъекта. Следовательно, второй вид интерпретации можно назвать *порождением читательского смысла*.

Индивидуальный характер интерпретации определяется прежде всего теми вопросами, которые читатель ставит не столько автору, сколько самому себе. Для понимания текста нужна встречная мысль, которая выражается в вопросах. Как убедительно показано в диссертации О.А. Аругюнян, посвященной пониманию философского текста, ответы на вопросы помогают человеку решить собственные проблемы, которые возникли у него до чтения. Задавая вопросы, читатель получает различные ответы — творит смыслы. В результате получается, что понять мысль автора — значит породить собственную мысль по поводу мысли автора [4].

Неудивительно, что третий вид интерпретации, который нельзя игнорировать, обсуждая герменевтическую исследовательскую традицию, это *самоинтерпретация*. Она основана на вопросах, обращенных субъектом к себе, своим знаниям и эмоциональному опыту. Ответы на вопросы, безусловно, имеют отношение к самопознанию и самопониманию, но главная их цель — понимание того, что говорит (пишет, показывает) партнер по диалогу. Исследования самоинтерпретации сегодня являются одним из интересных и перспективных направлений психологической науки. Как показывают эксперименты, в человеке сосуществуют два «конструкта» — зависимая и независимая самоинтерпретация, т.е. совокупность мыслей, чувств и действий субъекта, характеризующих соотношение Я с другими людьми и отличие Я от них [25]. При независимой самоинтерпретации испытуемые склонны в первую очередь учитывать свои возможности, личностные черты и цели. Думая о других, они также прежде всего принимают во внимание их индивидуальные характеристики. Вместе с тем,

когда люди с высокоразвитой зависимой самоинтерпретацией думают о себе, то всегда помнят о том, что они неразрывно связаны с другими. Главными условиями формирования самоуважения субъектов с зависимой самоинтерпретацией являются гармоничные межличностные взаимоотношения и возможность приспособляться к различным социальным ситуациям [23].

Таким образом, интерпретация — это способ понимания, порождения субъектом смысла понимаемого. Понимание всегда включает в себя потенциальную возможность разных типов интерпретации содержания понимаемого, т.е. рассмотрения его с разных точек зрения. Неудивительно, что понимание одних и тех же высказываний в диалоге, текстов, социальных ситуаций оказывается неодинаковым при их интерпретировании преимущественно на основе знаний, установок автора или читателя, а также зависимой и независимой самоинтерпретации партнеров по общению.

Экзистенциальная традиция исследования психической реальности проявляется в направленности ученых на анализ вариантов порождения опыта, имеющего смысл для субъекта. В жизни каждого человека бывают периоды экзистенциальных размышлений, связанных с пониманием себя в реальных ситуациях человеческого бытия. В бытийном плане смысложизненные ориентации имеют для каждого из нас не только конкретное адаптационное значение, но и более глубокий экзистенциальный смысл. К «пониманию себя в мире», «экзистенциальным размышлениям о себе» субъект приходит благодаря ретроспективному и антиципирующему интересу к своему внутреннему миру. Он направлен на поиск смысла своего существования, поступков и мысленный выход за пределы не только конкретной коммуникативной ситуации, но и собственной жизни, включение ее в иную систему координат, в которой жизнь наделяется смыслом.

В современной психологии большое значение уделяется анализу событий и феноменов, которые нельзя понять только на основе рационального знания. К ним относятся пиковые переживания, смысл жизни и смерти, надежда как метаценность человеческого бытия, поведенческие проявления мудрости и т.п. Описания субъектом таких феноменов и самооценки своего понимания уже невозможно характеризовать в терминах истинности или правильности. Для каждого из нас рассказ о них либо *правдивый*, либо нет. В рамках экзистенциальной исследовательской традиции оценка правдивости высказываний испытуемых считается важной потому, что обращаясь внутрь себя, своего экзистенциального опыта, человек остается самим собой только до тех пор, пока он искренен и правдив. Сказав неправду, он отчуждает свою подлинную сущность, начинает рассматривать себя как бы со стороны. С экзистенциальной точки зрения он перестает быть субъектом, превращаясь в объект сотворенной легенды. Это такой удобный себе и окружающим образ Я, который становится уже скорее мифом, чем реальностью. Как показали эмпирические исследования, понимание правды включает в себя немало невербализованных и иррациональных компонентов. Такое понимание основано на вере в правдоподобие того, что говорится; представлениях о справедливости в межличностных отношениях; убежденности в собственной искренности и др. Очевидно, что веру, справедливость, искренность нельзя описать, только руководствуясь рассудком, рациональными способами: значимую роль при этом играет интуитивное постижение [9].

Для экзистенциальной традиции исследования психики типичным является понимание-постижение ситуаций человеческого бытия. Понятие «постижение», с одной стороны, по объему и содержанию является более широким, чем категории «познание» и «интерпретация», а с другой — значительно более размытым,

трудно уловимым и поддающимся вербальному объяснению. Основная причина этого в том, что феномен постижения является неотъемлемой частью человеческого бытия, экзистенции, не поддающейся рефлексивному анализу. Еще С. Кьеркегор противопоставлял свое мировоззрение картезианской уверенности в том, что бытие пронцаемо для мышления и, следовательно, может быть описано в понятиях. Он утверждал, что экзистенция есть то, что всегда ускользает от рационального понимания. Человек может понимать или не понимать и сложные, и простые объекты. Однако если предмет психологического анализа сложен, как, к примеру, самообман, то следует говорить о его понимании, в основе которого лежит постижение. В русском языке слово «постигание» указывает на понимание сути, скрытого смысла. «Употребление прилагательного **постижимый** возможно только в том случае, когда речь идет о глубоком понимании суть характеризованного объекта, о проникновении в его основные, наиболее существенные свойства. Такое понимание может быть достигнуто в результате серьезных творческих усилий, глубокой интуиции, озарения, божественного откровения. Для него недостаточно готовых знаний или чужих объяснений» [3; 259—260].

В основе экзистенциальной точки зрения на понимание лежит неоднократно высказываемая многими мыслителями мысль о трудности постижения и даже неуловимости истины для разума. Главная причина интеллектуальной непостижимости истины заключается не только в ее неисчерпаемости и бесконечности, но и в несказанности. Истина оказывается гораздо больше, выше, масштабнее всего, что можно поименовать, высказать словами. Неудивительно, что неосознаваемость истины скрывает от познающего субъекта свернутое, неявно выраженное знание о ней. Принципиальная невозможность полного осознания познаваемого мира и себя в мире хорошо известна

не только психологам. Как свидетельствует история науки, она проявлялась, например, в «ученом незнании», характеризовавшем гениев (вспомним Ньютона, который сравнивал себя с мальчиком, перебирающим камешки на берегу океана познания).

Понимание-постигание проявляется во многих психологических исследованиях. Типичными в этом отношении являются исследования феномена мудрости [22]. В отечественной психологии он продуктивно изучается Л.И. Анцыферовой, а в философии — М. Эпштейном. Последний определяет мудрость как «поиск лучших мнений в отсутствии точных знаний» [20; 794]. М. Эпштейн полагает, что мудрым следует считать такое мнение, которое позволяет человеку осуществлять свои интересы в согласии с интересами других. Мудрость «это такое знание, которое становится способом существования, это знание не того, *что* существует, а того, *как* существовать» [20; 797].

Л.И. Анцыферова, анализируя сущность мудрости, подчеркивает особую роль феномена постижения субъектом своего внутреннего мира и психического других людей. Именно в постижении, а не в достоверном знании она ищет ключ к решению проблемы мудрости. Она пишет: «Постановка проблемы постижения, интуитивного чувствования человеком архитектоники своего внутреннего смыслового мира, переживаемого как истинно присущего ему, означает переход от чисто когнитивного понимания мудрости к личностно ориентированному. Мудрость предполагает поиск и нахождение субъектом своего призвания, своего истинного Я» [2; 6]. Неудивительно, что о способах постижения истинного Я говорит даже название процитированной статьи, которую без преувеличения можно назвать программной [2].

Итак, в рамках когнитивной традиции психологи стремятся к получению истинных знаний о психике испытуемого, которую они понимают на уров-

не понимания-знания. В герменевтической традиции ключевым является понимание-интерпретация правильных или неправильных суждений, высказываемых партнерами по коммуникации. Экзистенциальная исследовательская традиция характеризуется направленностью психологов на понимание-постижение правдивых или неправдивых высказываний испытуемых.

1. *Аллахвердов В.М.* и др. Когнитивная логика сознательного и бессознательного. СПб.: СПбГУ, 2006.
2. *Анциферова Л.И.* Гуманистически-экзистенциальный подход к мудрости: способы постижения истинного Я и призвания человека // Психол. журн. 2005. Т. 26. № 3. С. 5—14.
3. *Апресян Ю.Д.* и др. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Первый выпуск / Под общим рук. Ю.Д. Апресяна. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997.
4. *Арутюнян О.А.* Понимание философского текста как смысловорчество: Автореф. канд. дис. Краснодар: КубГТУ, 2007.
5. *Брудный А.А.* Понимание как философско-психологическая проблема // Вопр. филос. 1975. № 10. С. 109—117.
6. *Василюк Ф.Е.* Структура и специфика теории понимающей психотерапии // Моск. психотерапевт. журн. 2008. № 1. С. 5—33.
7. *Залевский Г.В.* Объяснение и понимание в психологии // Теория и методология психологии: Постнеклассическая перспектива / Отв. ред. А.Л. Журавлев, А.В. Юревич. М.: Институт психологии РАН, 2007. С. 195—222.
8. *Запорожец А.В.* Психология восприятия сказки ребенком-дошкольником // Дошкольное воспитание. 1948. № 9. С. 34—41.
9. *Знаков В.В.* Понимание в мышлении, общении, человеческом бытии. М.: Институт психологии РАН, 2007.
10. *Иомдин Б.Л.* Языковая модель понимания // Языковая картина мира и системная лексикография / Отв. ред. Ю.Д. Апресян. М.: Языки славянских культур, 2006. С. 517—612.
11. *Клюева Н.В.* Объяснение и понимание в психологическом консультировании // Методология и история психологии. 2008. Т. 3. Вып. 1. С. 137—144.
12. *Корнилова Т.В.* Означает ли свободная конкуренция идей отказ от критериев научности в психологии // Методология и история психологии. 2007. Т. 2. Вып. 3. С. 120—129.
13. *Лабунская В.А.* Интерпретация невербального поведения как социальная способность // Познание в структуре общения / Под ред. В.А. Барabanщикова, Е.С. Самойленко. М.: Институт психологии РАН, 2009. С. 203—210.
14. *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. М.: Русский язык, 1988.
15. *Петренко В.Ф.* Конструктивистская парадигма в психологической науке // Теория и методология психологии: Постнеклассическая перспектива / Отв. ред. А.Л. Журавлев, А.В. Юревич. М.: Институт психологии РАН, 2007. С. 119—135.
16. *Пископтель А.А.* Объяснение и понимание в диалоге «объяснительной» и «описательной» психологии // Методология и история психологии. 2008. Т. 3. Вып. 1. С. 47—57.
17. *Пузырей А.А.* Психология. Психотехника. Психагогика. М.: Смысл, 2005.
18. *Рикёр П.* Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. М.: Медиум, 1995.
19. *Сергиенко Е.А.* Раннее когнитивное развитие: новый взгляд. М.: Институт психологии РАН, 2006.
20. *Эпштейн М.* От мудрости к философии — и обратно // М. Эпштейн. Знак пробела: О будущем гуманитарных наук. М: Новое литературное обозрение, 2004. С. 788—806.
21. *Churchill S.D.* «Seeing through» self-deception in narrative reports: Finding psychological truth in problematic data // J. Phenomenological Psychol. 2000. V. 31. N 1. P. 44—62.
22. *Daiute C., Buteau E., Rawlins C.* Social-relational wisdom: Developmental diversity in children's written narratives about social conflict // Narrative Inquiry. 2001. V. 11. N 2. P. 277—306.
23. *Grace S.L., Cramer K.L.* The elusive nature of self-measurement: The self-construal scale versus the twenty statement test // J. Soc. Psychol. 2003. V. 143. N 5. P. 649—668.
24. *Johnson-Laird P.N.* Mental models — towards a cognitive science of language, inference and consciousness. Cambridge MA: Harvard University Press, 1983.
25. *Singelis Th.M.* The measurement of independent and interdependent Self-construals // Person. and Soc. Psychol. Bull. 1994. V. 20. N 5. P. 580—591.

Поступила в редакцию 23.XII 2008 г.